

Глава 8

На следующий день Нин Сун вышел из своей комнаты с тёмными кругами под глазами.

Ребята наверху устроили настоящий концерт: шумели с полуночи до часу, потом затихли — и в два начали снова.

Вот уж действительно... завидное упорство!

Он закинул на плечо рюкзак и, щёлкнув замком, запер дверь. В этот момент сверху раздался громкий грохот, а затем кто-то раздражённо воскликнул: «Всё из-за тебя! Я теперь опоздаю!»

Нин Сун тут же наклонился через перила и посмотрел вверх.

Это была та самая пара, которую он видел в библиотеке.

Смуглый спортсмен и его утончённая, творческая «жена».

Когда они пересеклись у входа, один из них прошептал: «О, новенький...»

Нин Сун заметил на его груди белый бейдж — такой же, как у него.

А вот у смуглого спортсмена был чёрный, престижный бейдж.

Значит, он поселился здесь ради него.

Спортсмен бросил на юношу равнодушный взгляд, обнял свою вторую половинку за плечи и пошёл прочь.

Но тот, уже уходя, всё же оглянулся на Нин Суна ещё раз.

Оба они были «белобейджевыми» — особый набор, как и он.

Стоило ему только ступить за порог школы, как он сразу же оказался свидетелем настоящей любовной истории.

На второй день в новой школе внимание к нему заметно поубавилось.

Казалось, что такой никто, как он, мог вызвать здесь лишь лёгкую рябь.

Одного дня хватило, чтобы исчерпать весь интерес к нему.

А на третий день он стал и вовсе незаметным. Те парни, что в первый день гонялись за ним до самого общежития, больше его не трогали — будто интерес к нему у них вдруг испарился.

Он чувствовал себя ничтожной галькой, брошенной в огромное озеро под названием «Академия Истон», от которой осталась лишь едва заметная рябь, исчезающая от лёгкого дуновения ветра.

Но при этом ему подозрительно часто доводилось случайно становиться свидетелем романтических сцен между симпатичными парнями.

Например, он встретил Ли Ю и Линь Ли — и даже немного пообщался с ними.

А в его классе тоже нашлась яркая парочка — Пу Ю и Тан Чжэньчжэнь.

Как назло, над ним жили спортсмен и художница, и он даже стал частью их небольшого эпизода в библиотеке!

Даже у Цяо Цяо, которого он считал таким же, как он сам, оказался друг детства с намёком на чувства.

Вчера, когда юноша принимал душ в общежитии, он заметил под противоположной шторкой от кабинки две пары ног: то обе стояли на цыпочках, то на носочках...

А сегодня...

Он снова пошёл в библиотеку — и там столкнулся с Пу Ю.

А вместе с ним был невероятно милый мальчик.

Нин Сун в жизни не видел ничего подобного — он словно воплощение самого слова «милый».

Милашка заикался: «Э-э-э... можно?»

Нин Сун не видел лица Пу Ю — тот стоял к нему спиной.

Впрочем, неудивительно, что парень с таким происхождением, отличной учёбой и внешностью получал признания в любви.

Нин Сун не расслышал, что ответил студент — видимо, тот говорил слишком тихо.

Через некоторое время Пу Ю достал с полки книгу и направился с закладкой в руках.

Нин Сун не успел отойти в сторону и встретился с ним взглядом.

Пу Ю вздрогнул, будто удивился, и сел прямо туда, где Нин Сун оставил свой рюкзак.

Нин Сун хотел его поприветствовать — всё-таки они уже не раз виделись.

Но Пу Ю вёл себя так, будто его и не знал. Ни взгляда, ни слова.

Нин Сун просто пошёл дальше.

Пу Ю поднял голову и раскрыл книгу.

А малыш всё ещё стоял на том же месте, с опущенной головой, явно с разбитым сердцем.

Нин Сун прошёл мимо, чувствуя укол сочувствия к бедняге.

Вообще-то, Нин Сун подумал, что этот милый мальчик вполне мог бы быть главным героем ВЛ-новеллы. Он был и правда очень красив.

Но это его не касалось.

Он ведь играл лишь роль случайного одноклассника, который по воле случая оказался рядом в момент признания любви главных героев, верно?

С учётом того, как часто он натыкался на подобные истории любви между парнями, и принимая во внимание свою заурядную внешность, у него начали появляться вполне обоснованные подозрения:

похоже, его персонаж был типичным инструментом, используемым для развития любовной линии между другими.

Иногда он был фоном в этих историях, иногда — «пушечным мясом», другом одного из героев, а иногда, в более... пикантных сценах, становился участником их тайных игр за спинами одноклассников.

Не самая лёгкая ноша.

Маленький миляга тихо ушёл, а Нин Сун, встав на цыпочки, потянулся к верхней полке с журналами.

Дотянуться всё равно не удалось, и он отметил нужный выпуск закладкой, а затем подпрыгнул и достал его.

Приземлившись, он заметил, как Пу Ю смотрит на него через щель между полками — и в ответ улыбнулся.

На этот раз он не пошёл садиться рядом с Пу Ю, а направился в другой читальный зал, где не было никого.

Он занял место у окна.

Нин Сун обожал читать журналы об играх.

Увидев новую игру, он тут же доставал телефон и начинал в неё играть.

В этом мире было множество игр, которых не существовало в реальном — и они дарили ему невероятное чувство наполненности.

Он настолько увлёкся, что, когда дошёл до второго журнала, Пу Ю уже ушёл.

Нин Сун остался в библиотеке до самого закрытия, с ощущением, будто сердце его вот-вот вылетит от счастья.

Он поспешно зашёл на форум — поболтать с друзьями.

Открыв его, он увидел сообщение от «кот-веган»:

«Здоровое тело — основа революции».

Он отправил коту-вегану эмодзи, а затем начал писать новый пост на форуме.

В этот раз «кот-веган» не написал ему в личку, но несколько раз оставил комментарии под его новым постом.

Многие спрашивали про его новую работу, и Нин Сун отвечал на вопросы в непринуждённой манере.

Хотя все эти люди были ему лишь онлайн-знакомыми, атмосфера на форуме была по-настоящему тёплой и дружелюбной.

После переписки он заметил, что в чайнике закончилась горячая вода. Взяв его, он пошёл к бойлеру на лестничной площадке первого этажа.

Там он увидел старосту их класса — Чэнь Мо, который подходил с портфелем в руках.

У Нин Суна было хорошее мнение о старосте, и он улыбнулся, поздоровавшись с ним: «Привет!»

Лишь вчера он узнал, что Чэнь Мо тоже живёт в Четвёртой Башне.

Но у него был не белый бейдж, а золотой — он считался самым выдающимся студентом из всех, поступивших по особому набору в Академию Истон.

Говорили, что он перевёлся сюда во втором классе старшей школы, и всего за год сумел пробиться до уровня «золотого бейджа», стать старостой класса и войти в состав студенческого совета.

Это было крайне редкое явление для Академии Истон, ведь местная система очков была совсем не дружелюбна к переводникам.

Оценок было явно недостаточно.

Цяо Цяо как-то рассказывал, что Чэнь Мо родом из простой рабочей семьи с острова Радиапёрл.

Даже после того как его уровень повысился, он не переехал, а продолжал жить в Четвёртой Башне.

Говорили, что ему просто нравились одноместные комнаты.

Во Второй и Третьей Башнях такие не предусматривались — там были трёхместные номера, хоть и с более хорошими условиями.

Староста был одиночкой и производил впечатление довольно холодного человека.

Чэнь Мо кивнул ему и спросил: «Ещё не спишь?»

Удивительно было видеть старосту таким мягким — обычно он говорил чётко, деловито.

Нин Сун улыбнулся: «Скоро пойду. А ты только что вернулся?»

Чэнь Мо что-то пробормотал в ответ и с портфелем в руках поднялся наверх, будто то мимолётное тепло, которое он только что проявил, ему померещилось.

«Ах да...»

Нин Сун как раз поставил чайник, когда услышал голос Чэнь Мо: «Забыл тебе сказать одну вещь».

Он обернулся и увидел старосту на лестнице. Там было довольно темно, и лицо его разглядеть толком не удалось.

Голос Чэнь Мо прозвучал глубже, с какой-то магнетической ноткой: «До Весеннего фестиваля осталась примерно половина месяца. Каждому классу нужно подготовить выступление. Ты здесь новенький, раньше нигде не участвовал, так что мистер Цзян сказал, что ты в этом году обязательно должен записаться».

«А?»

Весенний фестиваль?.. Это ещё что такое?

Чэнь Мо продолжил: «Это влияет на твои зачётные баллы и входит в список художественной активности. Лучше поучаствуй».

Какой у него может быть талант?

Он умел играть на виолончели, но... кому вообще захочется его слушать?

«А если у меня нет никаких талантов?» спросил Нин Сун.

Чэнь Мо помолчал немного, а потом, с непроницаемым выражением лица, предложил: «Могу вписать тебя в школьную постановку от нашего класса. Это будет наше групповое выступление в этом году. Много народу участвует — тебе достанется какая-нибудь небольшая роль».

Он точно мог бы быть массовой.

«Подумай. Если у тебя будут другие идеи — пение, танцы, декламация, игра на инструментах, боевые искусства — говори».

«Я буду массовой» быстро согласился Нин Сун.

Чэнь Мо кивнул, больше ничего не сказал и, закинув рюкзак за спину, пошёл наверх.

Нин Сун наполнил чайник горячей водой и тоже поднялся по лестнице, по пути набирая сообщение Цяо Цяо о Весеннем фестивале.

И вдруг ощутил, что за ним кто-то наблюдает.

Он машинально обернулся.

Четвёртая Башня была старой, а вокруг неё росли густые заросли. Ночью тут царила тьма и сырость.

Раньше он думал, что такое место вполне подошло бы для свиданий влюблённых,

но теперь ему показалось, что здесь легко может спрятаться кто угодно.

Никого видно не было — только ветер шевелил ветки.

Когда он добрался до своего этажа и взглянул вниз, у него по спине пробежал холодок.

Потому что он действительно увидел кого-то, стоящего под деревом и смотрящего прямо на него.

Он успел заметить это лишь краем глаза — фигура тут же исчезла в темноте.

Может, ему просто показалось?

Но на всякий случай, ложась спать, он задёрнул окно.

Первая неделя в Академии Истон пролетела быстро.

Родители Нин Суна были слишком заняты на этой неделе.

В провинции Истон проходил экономический форум, и семья Пу принимала участие во множестве приёмов и банкетов.

В ближайшие полмесяца родители будут заняты по горло и, разумеется, времени на него не найдут.

Так что он остался в школе.

К счастью, семья Цяо Цяо тоже куда-то уехала, и он решил остаться, чтобы составить Нин Суну компанию.

Хотя Нин Сун и хорошо ладил с одноклассниками, единственным, кто по-настоящему о нём заботился, был именно Цяо Цяо.

Поначалу Нин Сун относился к нему настороженно.

В такой обстановке, когда кто-то вдруг проявляет к тебе излишнюю дружелюбность, поневоле начинаешь подозревать, что за этим что-то стоит.

Впрочем, в этом действительно была доля правды.

Цяо Цяо рассказал, что тоже перевёлся в Академию Истон ещё в средней школе.

Тогда он был точь-в-точь как Нин Сун — худой и одинокий.

Он сказал, что, увидев его, сразу почувствовал родственную душу и не смог смириться с мыслью, что кто-то снова переживёт ту же самую изоляцию.

Он был словно светящийся маленький ангел.

Правда, оставаться в школе Цяо Цяо не хотелось.

Он хотел вытащить Нин Суну погулять и познакомить с другими своими друзьями.

Нин Сун переоделся в повседневную одежду и вместе с Цяо Цяо отправился в ближайший парк аттракционов.

Стоило им выйти за пределы школы, как он по-настоящему понял, что значит учиться в элитном учебном заведении.

Pagani, Koenigsegg, Maybach, Audi, Bentley...

Роскошные автомобили уже не вызвали удивления. Куда больше поразило то, что возле многих машин стояли няни, водители или телохранители в профессиональной форме.

У входа он заметил Тан Чжэньчжэня.

Тот стоял один у обочины с рюкзаком за спиной и смотрел вниз на свои ботинки, словно фарфоровая кукла.

Почему-то это зрелище внушило тревогу — Нин Сун вдруг испугался, что того могли обидеть.

Он заметил, как несколько парней переглядываются, перешёптываются, и иногда в их голосах проскальзывает двусмысленный смешок.

Он остановился и какое-то время стоял, наблюдая.

И вдруг сквозь поток машин к Тан Чжэньчжэню бросился кто-то.

Молодой парень, наверняка только что поступивший в университет.

Увидев его, Тан Чжэньчжэнь улыбнулся, снял рюкзак и отдал ему.

Парень взял его за руку, и они вместе перешли дорогу, держась за руки.

«Тсс» хмыкнул Нин Сун. «Снова я массовка на фоне чужой любви».

Цяо Цяо познакомил его со своими друзьями.

Большинство из них учились в других школах — богатые отпрыски влиятельных семей. После ужина они отправились петь в KTV под названием Starjoy на острове Радиапёрл.

По оснащению заведение было довольно обычным и даже слегка потрёпанным временем, но по репутации с ним никто не смел тягаться — на всём острове не нашлось бы человека, не слышавшего об этом месте. Оно занимало лучший участок на побережье и пользовалось огромной популярностью.

Нин Сун считал, что сам поёт неважно, но по сравнению с Цяо Цяо и его друзьями он был настоящим соловьём.

Вытьё, доносившееся из микрофонов, заставляло его виски пульсировать от боли. Он наклонился к Цяо Цяо и сказал: «Я выйду подышать».

Цяо Цяо сразу же отложил микрофон: «Я с тобой».

«Не надо» Нин Сун остановил его. «Я просто поднимусь на террасу подышать».

Когда они только пришли, он заметил, что «Starjoy» находился прямо у устья, где река впадала в море, и на верхнем этаже была смотровая терраса с видом на пейзаж.

Он вышел из приватной комнаты и глубоко вдохнул свежий воздух — сразу стало легче. Подошёл к лифту и нажал кнопку. Был выходной, поэтому народу оказалось много, и лифт ехал долго.

Когда двери наконец открылись, из кабины вышли несколько толстых мужчин с мясистыми ушами.

«Чёрт возьми, что, теперь в Starjoy даже официанты такие красавчики? Длинные ноги, да ещё и с таким задом!»

«Если Молодому Господину Вану понравился, можно будет заказать и его — пусть подаёт нам выпивку».

«Этот мальчишка не так-то прост. Я только руку его задел, а он таким взглядом посмотрел... будто может меня убить».

«И что? Деньги всё решают. Захочешь — и в рот ему что угодно запихаешь!»

«Ага. Помнишь, того официанта в прошлый раз? Такой грозный был, чуть полицию не вызвал. И что в итоге? Деньги взял — и заткнулся».

«А с этим я могу быть нежным. Он такой красавчик... Я бы его и на месяц оставил».

Мужики разразились гоготом.

Толстые, жирные, пропахшие алкоголем, они, шутя и похабно переговариваясь, зашли в соседнюю комнату.

Нин Сун остался стоять в полумраке коридора, глядя, как закрываются двери лифта. Казалось бы, всё это его не касается.

Но мальчишка — ведь он тоже всего лишь студент.

А эти люди... кто знает, на что они способны?

Он решил — просто предупредит.

Подождав немного, он действительно увидел, как наверх поднимается официант с двумя

бутылками вина.

И он обомлел, увидев, кто это был.

Белоснежные густые волосы были слишком приметными.

Это был Шэн Янь.

Похоже, он снова случайно оказался на съёмочной площадке мужского ромкома.

Шэн Янь был в форме работника KTV — и, как те жирные мужланы верно подметили, у него были длинные ноги, упругая фигура и лицо, от которого буквально слепило.

Они с Нин Суном были как две противоположности:

тот — болезненно бледный, почти прозрачный,

этот — сияющий, живой, будто воплощённая молодость.

Шэн Янь мельком взглянул на него, затем, не задерживаясь, пошёл дальше с бутылками — прямо к двери соседней приватной комнаты.

Нин Сун немного помолчал, а потом всё-таки окликнул его: «Эй...»

Шэн Янь обернулся. Его длинные, густые ресницы отбрасывали лёгкую тень под глазами.

«Что-то случилось?» спросил он. Голос парня был глубокий, приятный, с лёгкой полуулыбкой в интонации.

Нин Сун, прожив большую часть жизни в цивилизованном обществе, где закон всё-таки что-то значил, до сих пор не мог привыкнуть к тому, каким поганым бывает этот мир.

Чтобы хоть как-то успокоить совесть, он сказал: «Я слышал, что эти мужики говорили... Будь осторожен. Похоже, у них на тебя планы».

Шэн Янь улыбнулся. «Ты остался только чтобы меня предупредить?»

Нин Сун кивнул.

«Спасибо, я понял». Ответ прозвучал немного отстранённо, и, всё так же с улыбкой, Шэн Янь толкнул тяжёлую дверь и вошёл внутрь.

Нин Сун остался стоять, наблюдая, как за ним закрывается дверь. Внутри что-то ёкнуло.

Он нажал на кнопку лифта и, пока ждал, снова глянул в сторону той самой комнаты.

Если бы это был кто-то другой... не Шэн Янь...

Он бы точно остался. Убедился бы, что всё в порядке. Если бы услышал хоть какой-то шум, позвал бы охрану или администраторов.

А сейчас? Он просто ушёл.

Почему?

Может, потому что это Шэн Янь, и с ним вроде как ничего не случится? Он ведь не похож на того, кого можно так легко сломать.

Раздался звук прибытия лифта.

Двери открылись.

Нин Сун шагнул внутрь...

...выругался сквозь зубы — и вышел обратно.

Чёрт.

Он не мог просто так уйти.

Может, он и правда появился в истории Шэн Яня только для того, чтобы его предупредить?

Он решил немного постоять рядом с дверью — послушать, не раздастся ли подозрительных звуков.

Если ничего не произойдёт — отлично. А если что-то начнётся... он хотя бы вызовет кого-нибудь.

Но звукоизоляция у этой комнаты была на удивление хорошая. Сквозь грохот музыки нельзя было понять — танцы там или драка.

Он подошёл ближе, приподнялся на цыпочки и заглянул в стеклянное окошко вверх двери.

В тот же момент дверь резко распахнулась — и Шэн Янь вылетел наружу, врезавшись в него.

Нин Сун, будучи довольно хрупким, едва не рухнул на пол, но Шэн Янь подхватил его.

Пока дверь снова захлопывалась, он успел заметить, как в комнате шатались и падали на пол те самые жирные типы, а на полу уже расплывалась лужа — то ли крови, то ли алкоголя.

Шэн Янь посмотрел на него сверху вниз. С его лица постепенно сходила свирепость.

«Ты ждал меня?»

Нин Сун выпрямился и отстранился от его руки: «Ты в порядке?»

Раз уж всё так получилось, можно и протянуть человеку руку помощи.

Шэн Янь снова улыбнулся: «Всё нормально».

Он дотронулся до микрофона на воротнике формы и сказал спокойным голосом: «Братец, тут возникла небольшая проблема. Можешь спуститься глянуть? Комната 306».

Убедившись, что Шэн Янь действительно в порядке, Нин Сун направился к лифту. В этот момент кабина как раз прибыла. Они зашли внутрь вместе.

Лифт поднялся на крышу.

Нин Сун бросил на него настороженный взгляд. Шэн Янь чуть приподнял уголки губ: «Куришь?»

Он достал из кармана униформы пачку сигарет, и только тогда Нин Сун заметил кровь на его пальцах.

Шэн Янь закурил. Сигарета в его пальцах, прищуренные фениксовы глаза, чуть опущенные ресницы, а за спиной — мерцание света на морской глади.

Он был чертовски красив.

Сделав пару затяжек, он вдруг безразлично выбросил и пачку сигарет, и зажигалку в ближайшую урну, а затем затушил саму сигарету.

«Ты из Академии Истон, да?» спросил он. «Кажется, я тебя видел... Ты тот новенький?»

Нин Сун кивнул.

Шэн Янь нахмурился, и даже с расстояния в метр Нин Сун отчётливо услышал чей-то злой голос, доносившийся из его наушника.

Шэн Янь раздражённо вздохнул и повернулся, чтобы спуститься обратно вниз.

Нин Сун, наконец, выдохнул.

С крыши открывался вид на Нижнюю Гавань, раскинувшуюся через узкий пролив.

В ночи она выглядела почти чёрной, хоть кое-где и мерцали редкие огоньки, тусклые, будто влажные.

А вот Радужный Остров сиял, будто выставка роскоши — свет, неон, движение.

Всё разделяла лишь узкая полоска воды. Как будто сама природа провела границу между двумя мирами.

Здесь, на крыше, ветер пронизывал до костей. Постояв немного, Нин Сун окончательно продрог. Он уже собирался вернуться, как вдруг увидел, как на крышу поднимается Цяо Цяо.

«Мы были слишком громкими?» спросил Цяо Цяо.

Нин Сун покачал головой: «Нет, я просто вышел посмотреть на ночной вид. Впервые вижу Нижнюю Гавань с этой стороны».

Он чихнул пока говорил.

«Пойдём вниз» сказал Цяо Цяо. «Тебе нельзя простужаться».

Они вместе спустились с крыши. По дороге Цяо Цяо сказал: «Кажется, в соседней комнате была драка. Я только что видел, как Лю-гэ с ребятами кого-то уносили. Всё было в крови».

Когда они вернулись на третий этаж, на коридоре остались только двое уборщиков, молча

вытирающих полы.

Нин Сун и Цяо Цяо зашли обратно в свою комнату. Через некоторое время в дверь постучали, и в комнату вошёл молодой человек — тоже, похоже, студент — катя тележку с напитками, закусками и парой огромных фруктовых тарелок.

«Вы, наверное, ошиблись» сказал Цяо Цяо. «Мы ничего такого не заказывали».

Он сам раньше подрабатывал в этом KTV и прекрасно знал, что напитки и фрукты тут стоят бешеных денег, а вот их качество оставляет желать лучшего.

Ни за что они это оплачивать не будут!

Но тот парень лишь вежливо улыбнулся: «Это комплимент от нашего менеджера. Приятного отдыха».

Они переглянулись в недоумении.

Нин Сун отвернулся и несколько раз кашлянул.

Когда официант ушёл, он тихо рассказал Цяо Цяо о том, как столкнулся с Шэн Янем.

Глаза Цяо Цяо округлились: «Он тут работает?»

«Похоже, решил попробовать жизнь на вкус» сказал Нин Сун.

«Я думал, только мой отец способен урезать мне карманные деньги и заставить познать реальность» фыркнул Цяо Цяо. «Этим ублюдкам повезло, что они не были соперниками Шэн Яня. Если бы они хоть пальцем его тронули — завтра бы уже кормили рыбок в океане».

...Он и правда настолько опасен?

Этот мир был абсолютно безумным.

Им нужно было возвращаться в школу, и они ушли из KTV около девяти вечера. Веселье закончилось слишком быстро, поэтому ребята договорились завтра съездить на Куинс-роуд.

Когда они проходили через холл на первом этаже, увидели, как Шэн Яня отчитывает менеджера. Его белоснежные волосы мягко светились под лампами. Он стоял, засунув руки в карманы, с равнодушным выражением лица. Увидев их, он слегка наклонил голову и помахал Нин Суну. Менеджер тут же шлёпнул его по руке, и тот с ленивым вздохом снова засунул её в

карман.

«Чёрт, какой же этот официант красавчик» пробормотал полный парень из их компании.

Шэн Янь был знаменит своей внешностью во всей элитной школьной тусовке Истона.

«Почему он вообще работает официантом? Его же семья богатая».

«Говорят, он хочет в шоу-бизнес» сказал кто-то. «А семья против. Карточку отобрали, сказали: хочешь петь — зарабатывай сам».

После выхода из KTV они случайно свернули на старую рыночную улицу. Несмотря на поздний час, там было полно туристов. Нин Сун купил новые занавески, а рядом оказался магазин с растениями. Там он выбрал жасминовую лиану.

Ни розу, ни лилию, ни тюльпан.

А самую обычную жасминовую лиану.

Такую же, как он сам.

Он и не подозревал, что именно она потом станет обложкой альбома.

И что все будут знать эту строчку песни:

«Говорят, жасмин красивее всего в дождливые дни».

<http://bllate.org/book/14433/1276223>